

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 130. 2 + 394

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-2-99-106

Дата поступления: 01.04.2023
рецензирования: 15.05.2023
принятия: 20.06.2023

Л.Б. Четырова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: chetyrova@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5064-8735>

А.С. Сахаров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: saharovatl@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1843-2445>

«Деревенская проза» в контексте столкновения традиционной русской культуры и советской модерности

Аннотация: статья посвящена анализу произведений так называемой деревенской прозы (Ф. Абрамов, В. Шукшин, В. Распутин, А. Солженицын) в деколониальной перспективе с применением концепции внутренней колонизации. Дается характеристика этой концепции и ее эвристическому потенциалу. Применение семиотического метода – выделение маркеров – позволило авторам установить точки расхождений в поэтике социалистического реализма и деревенской прозы. Показано, что сюжеты деревенской прозы не вписываются в советские идеологические нарративы, а ключевой нарратив современного мышления – прогресс – в художественном мире деревенского текста свидетельствует об уничтожении русской деревни и русского крестьянства. Выявлено, что применение Ф. Абрамовым метода деконструкции позволило переоценить важные для советской идеологии нарративы. Обосновано, что в рассказах В. Шукшина оппозиция модерности – традиционности, выполняющая функцию предпосылки комического, позволяет выявить подчиненное положение сельского жителя-крестьянина, неуместного в мире советской модерности.

Ключевые слова: деревенская проза; внутренняя колонизация; советская модерность; советский проект; русское крестьянство; маркеры.

Цитирование: Четырова Л.Б., Сахаров А.С. «Деревенская проза» в контексте столкновения традиционной русской культуры и советской модерности // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 2. С. 99–106. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-2-99-106>.

Благодарности: статья и исследование выполнены за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01767, <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Четырова Л.Б., 2023 – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© Сахаров А.С., 2023 – лаборант-исследователь НИЧ-90, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

L.B. Chetyrova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: chetyrova@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5064-8735>

A.S. Sakharov

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: saharovatlt@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1843-2445>

“Village prose” in the context of conflict between the traditional russian culture and the soviet modernity

Abstract: the article is devoted to analysis of the works of the so-called «village prose» (F. Abramov, V. Shukshin, V. Rasputin, A. Solzhenitsyn) in the decolonial perspective using the concept of internal colonization. The characteristics of this concept and its heuristic potential are given. The application of semiotic method - distinction of markers - allowed the authors to determine the points of divergence in the socialist realism poetics and the village prose. It is shown that the village prose plots do not fit into the soviet ideological narratives, while the key narrative of the modern thinking - progress - in the artistic world of the village text testifies to the destruction of Russian village and the Russian peasantry. It is revealed that F. Abramov's application of the deconstruction method allowed to reevaluate the narratives that are important for the soviet ideology. In V. Shukshin's stories we have found an opposition of modernity - traditionalism, which serves as a precondition for the comic. It allows us to identify a subordinate position of a villager-peasant, irrelevant in the world of modernity.

Key words: village prose; internal colonization; Soviet modernity; Soviet project; Russian peasantry; markers.

Citation: Chetyrova, L.B. and Sakharov, A.S. (2023), “Village prose” in the context of conflict between the traditional Russian culture and the Soviet modernity, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 2, pp. 99–106, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-2-99-106>.

Acknowledgements: the research was carried out by financial support of the Russian Science Foundation, grant no. 22-28-01767, <https://rscf.ru/project/22-28-01767>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Chetyrova L.B., 2023 – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Sakharov A.S., 2023 – Research assistant, Department of Researching–90, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Так называемая деревенская проза (1950–1980 годы) занимает особое место в истории советской литературы. Творчество ее виднейших представителей – В. Распутина, В. Астафьева, В. Шукшина, Ф. Абрамова, В. Белова – привлекает внимание исследователей не только своими непосредственно художественными качествами, но и весьма своеобразным для советской литературы содержанием. В рамках данной статьи мы попробуем рассмотреть ряд произведений писателей-деревенщиков с точки зрения концепции внутренней колонизации, а также деколониальной теории.

В российской истории внутренняя колонизация – это процесс культурной экспансии и утверждения политической власти метрополии в России. Этот процесс происходил в России на протяжении всей ее истории и затронул разные регионы и народы, однако в данном исследовании мы рассмотрим его влияние лишь на этническое русское крестьянство. Относительно трактовки внутренней колонизации мнения исследователей расходятся, но все они сходятся в признании важности этого феномена для российского государства и его истории. А. Эткинд, например, называя

внутреннюю колонизацию важнейшим фактором российской истории, считал, что она сформировала особую структуру властных отношений между крестьянством и аристократией. В результате это привело к революционным событиям 1917 года и началу социалистического проекта в стране (Эткинд 2013).

Другим методологическим основанием данной статьи выступила деколониальная теория, представленная такими исследователями, как В. Миньоло, Э. Дуссель, А. Кихано и др. Данная теория выступает с критикой западной цивилизации, двумя столпами которой являются, как пишет Миньоло, модернизм и колониальность (Mignolo, Walsh 2018, с. 141–145). Критикуя глобальный Запад, представители деколониальной теории выступают против доминирования европоцентричных подходов, методов и познавательных инструментов в социальных и гуманитарных науках. Главный для деколониалистов исследовательский вектор в их критике современного западноцентричного миропорядка – установка на поиск способов восстановления идентичности колонизированных народов (Mignolo, Walsh 2018, р. 11–115). Российская исследовательница М. Тлостанова

особое внимание уделяет деколониальному эстетису – чувственному мироощущению и его проявлению в искусстве. При этом важным здесь является не только само произведение, но и фигура автора: «Деколониальная мысль производит другую [в сравнении с постколониальной теорией – прим.авт.] эпистемологическую операцию. Она не начинает отсчет от Ж. Лакана или Дж. Батлер, несколько видоизменяя их теории с тем, чтобы они могли быть применены к анализу пост/неоколониальной реальности, но с самого начала обращается к генеалогии деколониальных мыслителей и к их эпистемологическим инструментам <...> мы находим деколониальную геополитику и телесную политику знания, бытия и восприятия и деколониальный эстетизм, который фокусируется на том, кто производит знание, с какой позиции и почему» (Тлостанова 2020). Такой подход позволяет рассмотреть деревенскую прозу как плод творчества писателей–«деревенщиков», которые были выходцами из крестьянства, а значит – авторами с субалтерным и потенциально деколониальным эстетизмом.

Цель статьи – выявить маркеры внутренней колонизации в творчестве писателей–«деревенщиков» В. Распутина, В. Шукшина и Ф. Абрамова.

Материалом для исследования выступили тексты В. Распутина – «Прощание с Матерой», В. Шукшина – «Микроскоп», «Чудик», «Леля с факультета журналистики», Ф. Абрамова – «Могилы на крутояре» и А. Солженицына – «Матренин двор».

О внутренней колонизации

Понятие внутренней колонизации было введено в научный и политический дискурс на границе XIX и XX веков в Германии в контексте необходимости построения единой немецкой нации и культурной экспансии в направлении Восточной Европы. В отечественной литературе последних лет вопрос о внутренней колонизации, как пишет В. Морозов, был тематизирован в постколониальных исследованиях, проводимых историками и культурными антропологами, например, А. Эткиндо. При этом почти никогда не затрагивается международная проблематика, позволяющая рассмотреть вопрос о месте России в глобальном мире. Как считает Морозов, литература о внутренней колонизации почти полностью упустила из виду тот факт, что это была проекция глобального неравенства, иногда значительно большего масштаба, затрагивающая Россию (Morozov 2015, p. 29–33). Нельзя не согласиться с Морозовым, что концептуальная история внутренней колонизации как научного понятия должна включать в себя рассмотрение вопроса о российском государстве как инструменте колонизации в глобальном контексте (Morozov 2015, p. 32). Однако для реализации

нашей цели более подходящим является подход, предложенный Эткиндо (Следует подчеркнуть, что Эткиндо относит культурную разницу между колонизаторами и колонизируемыми в России лишь к европеизированным высшим классам (дворянство, чиновничество, интеллигенция) и массам, включая русских крестьян. При этом важное колониальное различие между русскими и нерусскими им вообще не принимается во внимание (Эткиндо 2011). С чем мы не можем согласиться.)

Прежде всего, следует провести различие между внешней и внутренней колонизацией. Внешняя колонизация, о чем говорит и сам термин, направлена на внешнюю экспансию империи с целью установления политического контроля на конкретной территории. Данный тип колонизации не обязательно подразумевает культурную экспансию, а может ограничиваться лишь экономической эксплуатацией, как, например, в случае Британской империи (Эткиндо 2013, с. 343). Внутренняя же колонизация направлена на культурную экспансию внутри существующих границ государства, то есть устранение различий между жителями метрополии и периферии. Оба этих процесса продиктованы единой колониальной логикой, и второй часто следует за первым, однако, тем не менее, их следует различать, поскольку сами они проявляют свои различия в конкретных практиках (Эткиндо 2013, с. 31–57).

Одним из первых о внутренней колонизации в контексте российской истории написал историк В.О. Ключевский: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией» (Ключевский 1987, с. 54). В имперском периоде российской истории внутреннюю колонизацию понимают в двух аспектах. Первый – реформы Петра I, приведшие к радикальной вестернизации русской аристократии, что привело к формированию колоссальной культурной пропасти между аристократией и крестьянами. Вторым аспектом – политика массовых переселений, ставшая инструментом освоения территорий и покорения инородцев: «Так переселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдалённой связи стояли все другие её факты. Он и ставил русское население в своеобразное отношение к стране, изменявшееся в течение веков и своим изменением вызывавшее смену форм общежития» (Ключевский 1987, с. 55). Таким образом, в имперский период внутренняя колонизация выразилась в усилении различий между правящим и подчиненным слоями посредством вестернизации первых и отчуждением крестьян от родной земли посредством переселений.

Важнейшей предпосылкой процесса внутренней колонизации, с точки зрения А. Эткиндо,

является индустриализация, создающая необходимость построения нации. Для аграрных обществ, каковой была и допетровская Россия, и послепетровская, характерно наличие глубоких различий между культурами правителей и народа – лингвистические, этнические, религиозные и иные (Эткинд 2001, с. 56).

Одной из главных проблем в характеристике крестьянского сословия являются региональные различия, существующие внутри этой социальной группы (Шанин 1987, с. 10). В силу этих различий русское крестьянство сложно описывать как единую этнокультурную общность, однако общее политическое положение и хозяйственный уклад все же позволяют исследователям говорить о крестьянстве как о реальном социальном слое.

Единицей крестьянского хозяйства и его социальной организации в целом является двор – семья или – до отмены крепостного права – объединение нескольких семей: «Семейное хозяйство функционирует как основная единица крестьянской собственности, производства, потребления, биологического воспроизводства, самоопределения, престижа, социализации и благосостояния. В его рамках личность подчиняется формализованному семейно-ролевому поведению и патриархальной власти» (Шанин 1987, с. 11). После отмены крепостного права в 1861 году начинается процесс распада крупных дворов на парные и ослабления патриархальной структуры – контроля главы семьи над всеми ее членами (Шанин 1987, с. 17).

Вторая черта социального положения крестьян – их подчиненность как субалтернов. Т. Шанин, подобно Эткинду, также особо отмечает связь этого фактора с революционными событиями XX века: «Крестьян, как правило, держат на солидном расстоянии от социальных источников власти. Их политическая подчиненность переплетается с подчиненностью культурной, а также экономической эксплуатацией через налоги, ренту, проценты и невыгодные для крестьян условия торговли. Подчинение сопровождается постоянными актами самозащиты крестьян путем широкого использования такого «оружия слабых», как экономический саботаж, уклонение от выполнения повинностей, бойкот административных инстанций и т.д., а в некоторых ситуациях и восстания. В XX столетии крестьянские восстания превратились в крупную революционную силу, действенный фактор общественного развития» (Шанин 1987, с. 13).

В России масштабная индустриализация (о том, как вчерашние крестьяне становились индустриальными работниками, об изменениях их мотивации и трудовых установок написано в книге С. Журавлева и М. Мухина (Журавлев, Мухин 2004)) началась лишь в советский период – в 20-е годы XX столетия – и повлекла за собой второй этап внутренней колонизации,

выразившейся в целом ряде глубочайших процессов: массовом образовании, урбанизации, коллективизации, репрессиях и насаждении атеизма. Необходимо заметить, что советский проект внутренней колонизации не только представлял собой процесс устранения различий между имперским центром и этническими окраинами, но и повлек за собой необратимые изменения в русской крестьянской среде. Именно русские крестьяне (подробно о сталинской коллективизации и трансформациях русского крестьянства написано в книге Ш. Фицпатрик (Фицпатрик 2008)) – как наиболее численное и наиболее чуждое проекту советской модерности (вопрос о советской модерности является дискуссионным, обзор точек зрения дает в своей статье М. Дэвид-Фокс (Дэвид-Фокс 2016)) сословие Российской империи – были первостепенным объектом внутренней колонизации, проводимой в советский период.

Таким образом, применяемая в постколониальных исследованиях концепция внутренней колонизации позволяет использовать ее как инструмент для анализа подчиненного положения русского крестьянства.

Главные маркеры литературы социалистического реализма

Советская эстетика формировалась сообразно установкам коммунистической идеологии, что в конце 30-х годов привело к появлению самобытного советского художественного направления – социалистического реализма, сформировавшего несколько поколений писателей, художников и кинорежиссеров (Кларк 2002, с. 29–74). Исследователи называют соцреализм «антропологическим проектом», то есть проектом по созданию нового человека, если быть точным – универсальной советской идентичности, которая подходила бы всем народам СССР (Добренко 1997, с. 25–51).

Писатели, следовавшие принципам соцреализма, получали поддержку государства, но в то же время подвергались и наибольшей цензуре. Внимание, оказываемое советской властью соцреалистическим текстам, подтверждает мысль искусствоведа Б. Гройса о преемственности авангардного и соцреалистического искусства: «... сталинская эпоха осуществила главное требование авангарда о переходе искусства от изображения жизни к ее преобразению методами тотального эстетико-политического проекта, так что сталинская поэтика, если видеть в Сталине тип художника-тирана, сменивший традиционный для эпохи созерцательного, миметического мышления тип философа-тирана, прямо наследует поэтике конструктивизма» (Гройс 2013, с. 59–60). Социалистический реализм, унаследовавший авангардную установку на преобразование жизни, стал существенным инструментом реализации советского

«антропологического проекта», что позволяет нам говорить об этом художественном направлении как о предельно политическом виде искусства, глубоко проникнутом советской идеологией, и своеобразно – в силу свое художественной природы – отразившей ее.

Для проведения сравнительного анализа творчества писателей-соцреалистов и писателей-«деревенщиков» попробуем выделить основные маркеры сюжетов и героев социалистической прозы. Использование семиотического метода – выделения маркеров – позволит нам наиболее полно установить точки расхождений в поэтике социалистического реализма и деревенской прозы, поскольку именно в пространстве семиотики идеологический план произведений проявляет себя явно.

Молодость героев. Подавляющее число соцреалистических протагонистов – молодые люди в начале своего жизненного пути, что объясняется дидактической функцией направления. Антагонисты же нередко представляют дореволюционное поколение.

Стройка или война как место действия. Соцреалистический сюжет чаще всего разворачивается на стройке, производстве или войне – Гражданской или Великой Отечественной.

Героика. Под героикой в данном контексте мы понимаем жертвенный и романтический пафос героев. Образцовый соцреалистический герой движим коммунистическими идеалами, а не бытовыми заботами или личным конфликтом.

Антагонизм. В соцреалистическом произведении – опять же в силу его дидактической установки – невозможен полифонизм, то есть множественность равноправных идеологических точек зрения. Соцреалистическое произведение подразумевает ясное разделение на протагониста и антагониста, добро и зло, противостоящих друг другу.

Счастливый финал. Соцреалистическое произведение, как правило, заканчивается победой протагониста и доказательством его правоты (Морозов 2007, с. 27–91).

Таким образом, мы видим, что искусство социалистического реализма – как содержательно, так и художественно – выражало в себе установки советской идеологии. Перечисленные нами маркеры сюжета и героев полностью продиктованы коммунистическими идеями, а авангардная природа соцреализма – утилитарной необходимостью формирования советского человека и общества. Более того, авангардизм данного направления был абсолютно релевантен мировоззрению эпохи зрелой модерности с ее стремлением к преобразению мира.

Выделенные нами маркеры соцреалистической прозы будут использованы в анализе деревенской прозы для выявления ее колониальных аспектов.

«Деревенская проза» в оптике внутренней колонизации

Деревенская проза как отдельное направление в советской литературе появилась в 50-е годы и существовала до конца 80-х. Виднейшими ее представителями были В. Распутин, В. Шукшин, Ф. Абрамов, В. Белов, В. Астафьев и др. Русские прозаики и прежде – уже с XVIII века, например, А. Радищев, И. Тургенев, Л. Толстой – обращались к крестьянской теме, однако, принадлежа к дворянскому сословию, не знали крестьянской жизни изнутри. Уникальность же деревенской прозы заключается в том, что все ее представители являлись выходцами из русского крестьянства, что исключило возможность использования ими романтических, сентиментальных или каких-либо других просвещенческих европейских штампов.

Аналогично тому, что мы сделали в предыдущем параграфе, рассмотрим основные маркеры системы сюжета и героев деревенской прозы и попробуем выделить в них колониальную проблематику, проведя сравнение с соцреалистическими мотивами.

Пожилые герои. Очень часто писатели-«деревенщики» обращаются к героям пожилого возраста, рожденным до революции или в первые годы становления СССР. Именно с ними авторы связывают настоящую деревенскую жизнь. В повести В. Распутина «Прощание с Матерой» старшее поколение противопоставляется молодому в отношении к затоплению родной деревни. Молодые жители Матеры легко переживают переселение, пожилые же герои – крайне болезненно, для них грядущее затопление становится трагедией (Распутин 1980).

Прогресс. Мотив потери родной земли в повести Распутина удачно резонирует с замечаниями Ключевского – обозначенными выше – о массовых переселениях как инструменте внутренней колонизации. Отчуждение от родной земли через принудительное переселение представляется нам разрывом традиции и семейной преемственности – столь важных аспектов крестьянской жизни (Распутин 1980). Мотив увядающей деревни повсеместно встречается и в других произведениях деревенской прозы, причиной его предстает прогресс в каких бы то ни было формах: урбанизация, повлекшая за собой массовый отъезд молодежи; коллективизация; стройка. Пагубное влияние коллективизации на русскую деревню показал А. Солженицын в рассказе «Матренин двор», открывшем дорогу деревенскому направлению в советской прозе. В рассказе изображается бессмысленность колхозной работы, нищета, запустение и вынужденное воровство главной героини. Центральный мотив «Матрениного двора» – нарушенный ход деревенской жизни, отчуждение крестьян от родной деревни и результатов

своего труда (Солженицын 1999, с. 51). Подобный взгляд на коллективизацию и в случае «Прощания с матерой» – на стройку – совершенно невозможен в социалистическом реализме. Примечательно, что, как отметил А. Эткинд, коллективизация преподносилась крестьянству советской властью как освобождение, возвращение деревне свободы труда, уничтоженной столыпинскими реформами (Эткинд 2013, с. 238). Введение коллективного хозяйства рассматривалось как возрождение общины, образ которой был мифологизирован еще в конце XIX века – она представляла как условие абсолютного крестьянского благополучия (Эткинд 2013, с. 238). Апелляция советского государства к идее освобождения крестьян, безусловно, указывает на мотив риторики спасения – важнейшего элемента модерности и колониальности (Mignolo, Walsh 2018, p. 142). Данная риторика, унаследованная от христианства, заключается в оправдании любого насилия во имя блага – прививания единственно правильных с точки зрения колонизатора культуры, религии, образа жизни и т.д. В том, как в деревенской прозе описываются результаты коллективизации и индустриализации, мы видим непринятие русским крестьянством этих процессов. Насильственное освобождение, следовательно, лишь усилило подчиненное положение крестьян.

Любопытное раскрытие темы прогресса встречается в комедийном рассказе В. Шукшина «Микроскоп». Сюжет произведения прост – деревенский столяр втайне от жены за большие деньги покупает микроскоп. Проведя несколько дней за разглядыванием бактерий, герой обретает среди односельчан ироническое прозвище «ученый». Супруга героя, узнав, за какие деньги был куплен микроскоп, сдает его в комиссионный магазин. Комический элемент рассказа заключается в контрасте – деревенский столяр увлекается околону научным досугом (Шукшин 1985, с. 311–316). Похожий образ у Шукшина выведен в рассказе «Чудик». Сюжет – нелепые приключения деревенского мужчины в городе. Все, что делает деревенский герой в городе, все выходит неудачно, даже покупка конфет в магазине. Финал рассказа – жена брата главного героя выгоняет последнего из дома и тот возвращается в родное село (Шукшин 1985, с. 357–362). Наконец, такой же мотив обнаруживается в рассказе «Леля с факультета журналистики». В центре сюжета – поездка молодой корреспондентки в село, где та встречается с бригадой рабочих. Помимо закономерного противопоставления утонченности девушки и грубости рабочих, в произведении так же подчеркивается нелепость сельских жителей – один из рабочих, нырнув под воду для измерения пролома в судне, потерял в речном течении свое нижнее белье (Шукшин 1985, с. 295–299). Все три рассказа

объединяет единый мотив – противопоставление развитой метрополии и отсталой периферии. Деревенский человек в описанных текстах Шукшина предстает лишним в современном мире – сама возможность использования микроскопа, поездки в город или встречи с журналисткой – человеком современной и интеллектуальной профессии – создает ситуацию комического. Данная оптика, безусловно, колониальна. Колониальность реализует себя в противопоставлении и утверждении движения «от традиционного к современному, от варварства к цивилизации, от сообщества к индивидууму, от Востока к Западу» (Глостанова 2020). Русское крестьянство в данной системе координат занимает подчиненное положение субалтерна по всем пунктам. То, что к подобной оптике обращается выходец из крестьянства Василий Шукшин, лишь подтверждает силу и укорененность колониального знания.

Отсутствие героики. Эта черта – преимущественно в описании войны – относится далеко не ко всем деревенским произведениям, однако является важной для понимания идеологического плана деревенской прозы. В описании частных трагедий войны – как Гражданской, так и Великой Отечественной – писатели-«деревенщики» нередко избегают национального и политического пафоса, сосредотачивая внимание лишь на судьбах отдельных людей. Так, в рассказе Ф. Абрамова «Могила на крутояре» герой-повествователь рассказывает о могиле героя-красногвардейца. Начинается рассказ с подчеркнутой военной героики:

«И перед глазами встают праздники, те незабываемые красные дни, когда вся деревня – и стар и мал – единой сбитой колонной устремлялась к братской могиле на крутояре за церковью. По мокрому снегу, по лужам, спотыкаясь и падая на узкой тропе. И во главе этой колонны – мы, пионеры, полураздетая, полуразутая, вскормленная на тощих харчах первых пятилеток. Но кто из нас посмел бы застонать, захныкать! Замри, стисни зубы! Ты ведь держишь экзамен. Экзамен на мужество и бесстрашие. Самый важный экзамен в твоей маленькой жизни...» (Абрамов 1990, с. 347). Далее писатель экспрессивно описывает сам памятник и надпись на нем, используя заглавные буквы: «Красный деревянный столб, красная деревянная звезда, черные буквы по красному: БЕЛОУСОВ АРХИП МАРТЫНОВИЧ, ТЫ ОДНА ИЗ ЖЕРТВ КАПИТАЛА! СПИ СПОКОЙНО, НАШ ДРУГ И ТОВАРИЩ» (Абрамов 1990, с. 348).

Затем действие переносится в зрелые годы повествователя, когда тот после долгого отсутствия возвращается в родную деревню и обнаруживает могилу в запустении. Долгое время он пытается добиться восстановления могилы. В тщетных попытках добиться справедливости герой встречается со старым революционером, знавшим по-

койного героя лично, и узнает, что легендарный красногвардеец Архип Белоусов был простым 16-летним юношей, погибшим в первом же своем бою, а все его подвиги были придуманы в пропагандистских целях (Абрамов 1990).

Трагический финал рассказа разрушает пафос советской героики, приведенной в его начале. Появление подобного сюжета уместно связать с отсутствием устоявшейся категории нации в крестьянской картине мира (Шанин 1987, с. 11). Глубоко локальный характер крестьянской жизни, о котором говорил Шанин, выступал препятствием в процессе интеграции крестьянства сначала в имперскую, а затем – в советскую нацию. Трагизм, лишенный национальной героики, с которым в произведениях описываются последствия политических событий или, что еще более характерно, вмешательства метрополии в деревенскую жизнь, например, коллективизации, позволяет нам говорить о колониальной ране советского крестьянства – неспособности адаптироваться в чуждом им современном советском мире.

Рассказ «Могила на крутояре» примечателен еще и тем, что в нем мы обнаруживаем использование автором приема деконструкции. В приведенных выше цитатах из начала рассказа обыгрывается стиль и содержание советской героики, которая в контрасте с трагическим финалом сюжета предстает неуместной и искусственной. Этот эпизод указывает на принципиальное различие соцреализма и деревенской прозы уже не просто в поле семиотики, а в прямой авторской воле Ф. Абрамова, деконструирующего важнейший для советской идеологии сюжет о Гражданской войне.

Таким образом, мы выделили основные маркеры колониальности в творчестве писателей-«деревенщиков»: отчуждение от родной земли, дома и труда; неуместность в современном мире; отсутствие национальной героики. Все эти характеристики указывают на разные аспекты подчиненного положения русского крестьянства, причиной которого стала внутренняя колонизация, проведенная в ходе реализации проекта советской модерности.

Заключение

Проведя сравнительный анализ маркеров сюжета и героев соцреалистической и деревенской прозы, мы пришли к выводу, что в творчестве писателей-«деревенщиков» широко представлена колониальная проблематика. Сюжеты деревенской прозы не вписываются в советские идеологические нарративы, часто предстают диаметрально противоположными им. Ключевой нарратив современного и колониального мышления – прогресс – в художественном мире деревенского текста оказывается свидетельством об источнике вреда, уничтожающего русскую деревню и русское крестьянство. Личное в ценностной системе деревен-

ских героев нередко ставится выше общественного или национального, о чем говорит отсутствие героики или даже прямая ее деконструкция, как в рассказе Ф. Абрамова «Могила на крутояре». В комедийных рассказах В. Шукшина можно найти изображение колониальной оппозиции современности – традиционности, выполняющей функцию предпосылки комического. В рассказах «Микроскоп», «Чудик» и «Леля с факультета журналистики» обыгрывается неуместность и нелепость сельского жителя – крестьянина в современном мире. Сама возможность подобного сюжета свидетельствует о колониальной природе отношений метрополии и крестьянской периферии в советском обществе.

Библиографический список

Mignolo, W. and Walsh, C.E. (2018), *On decoloniality: Concepts, analytics, praxis*, Duke University Press, Durham.

Morozov, V. (2015), *Russia's postcolonial identity. a subaltern empire in a eurocentric world*, Palgrave Macmillan, Houndmills, Basingstoke, Hampshire.

Абрамов Ф. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. Рассказы. Ленинград: Художественная литература, 1990. С. 347–356.

Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. Москва: Ad Marginem, 2013. 168 с.

Добренко Е. Формовка советского читателя: социально-эстетические предпосылки рецепции советской литературы. Санкт-Петербург: Академический проект, 1997. 320 с.

Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? / пер. с англ. Т.Пируской // Новое литературное обозрение. 2016. № 16. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12048/ (дата обращения: 21.03.2022).

Журавлев С., Мухин М. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928-1938 гг. Москва: РОС-СПЭН, 2004. 238 с.

Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-т, 2002. 262 с.

Ключевский В.О. Курс русской истории. В 9 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1987. 431 с.

Морозов А.И. Соцреализм и реализм. Москва: Галарт, 2007. 271 с.

Распутин В. Прощание с Матерой. Москва: Молодая гвардия, 1980. 110 с.

Солженицын А.И. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 1. Рассказы. Москва: ТЕРРА, 1999. 624 с.

Тлостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 161 (1). URL: <https://www.nlobooks.ru/magazines/>

novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21972/ (дата обращения: 21.03.2022).

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы : деревня; пер. с англ. Л.Ю. Пантина. Москва: РОССПЭН, 2008. 421 с.

Шукшин В. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. Москва: Молодая гвардия, 1985. 672 с.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Москва: НЛЮ, 2013. 448 с.

Эткинд А.М. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей. Москва: Новое литературное обозрение, 2001. №3. С. 50–74.

Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. Москва: Прогресс–Академия, 1992. С. 8–20.

References

Mignolo, W. and Walsh, C.E. (2018), *On decoloniality: Concepts, analytics, praxis*, Duke University Press, Durham.

Morozov, V. (2015), *Russia's postcolonial identity. a subaltern empire in a eurocentric world*, Palgrave Macmillan, Houndmills, Basingstoke, Hampshire.

Abramov, F.A. (1990), *Collected works*, vol. 3, Stories, Artistic literature, Leningrad, Russia.

David-Fox, M. (2016), Russian–Soviet modernity: none, shared, alternative, or entangled?, translate from eng. T. Pirusskaya, *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 16, [Online], available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12048/ (Accessed 21 March 2023).

Dobrenko, E.A. (1997), *Formovka of the soviet reader: social and aesthetic prerequisites for the reception of soviet literature*, Academic project, St-Petersburg, Russia.

Etkind, A.M. (2013), *Internal colonization: rus-sia's imperial experience*, NLO, Moscow, Russia.

Etkind, A.M. (2001), Foucault and the thesis of internal colonization: a post-colonial view of the Soviet past, *There inside. Practices of internal colonization in the cultural history of Russia: Sat. articles*, *New Literary Review*, pp. 50–74.

Fitzpatрик, S. (2008), *Stalinskie krest'yane: social'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya*, translate from eng. L.Yu. Pantina, ROSSPEN, Moscow, Russia.

Groys, B.E. (2013), *Gesamtkunstwerk Stalin*, Ad Marginem, Moscow, Russia.

Klark, K. (2002), *Sovetskij roman: istoriya kak ritual*, Izd-vo Ural. gos. un-t, Ekaterinburg, Russia.

Klyuchevsky, V.O. (1987), *Russian history course*, vol. 1, Mysl, Moscow, Russia.

Morozov, A.I. (2007), *Socialist realism and realism*, Galart, Moscow, Russia.

Rasputin, V.G. (1980), *Farewell to Matyora*, Molodaya gvardya, Moscow, Russia.

Shanin, T. (1992), *Ponjatie krest'janstva, Velikij neznaomec: krest'jane i fermery v sovremennom mire*, Progress–Akademija, Moscow, Russia, pp. 8–20.

Shukshin, V.M. (1985), *Collected works*, vol. 3, Molodaya gvardya, Moscow, Russia.

Solzhenitsyn, A.I. (1999), *Collected works*, vol. 1, Stories, TERRA, Moscow, Russia.

Tlostanova, M.V. (2020), The Postcolonial Condition and the Decolonial Option: a Postsocialist Mediation, *New Literary Review*, no. 1, [Online], available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21972/ (Accessed 21 March 2022).

Zhuravlev, S. and Muhin, M. (2004), «*Krepost' socializma*»: *Povsednevnost' i motivaciya truda na sovetskom predpriyatii, 1928-1938 gg*, ROSSPEN, Moscow, Russia.

Submitted: 01.04.2023

Revised: 15.05.2023

Accepted: 20.06.2023